

В.В. Оглезнев

ГРАНИЦЫ ПРИМЕНИМОСТИ РОДОВИДОВЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ В ЮРИДИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (проект № МД-1530.2018.6) и совместного гранта Министерства образования и науки РФ и Германской службы академических обменов (проект № 29.12749.2018/12.2).

Представлен анализ применимости родовидовых определений, рассматриваемых в качестве классического способа определения понятий через установление ближайшего рода (*genus*) и видового отличия (*differentia*), к правовым понятиям. По результатам исследования природы и значения родовидовых определений в научных и лингвистических практиках, автор приходит к выводу, что родовидовые определения вполне применимы для установления значения понятий и терминов, используемых в различных отраслях права.

Ключевые слова: родовидовое определение; юридический язык; правовые понятия; юридические термины.

Под определением в логике принято понимать логический способ установления или уточнения связи языкового выражения с тем, что оно обозначает как знак языка. Этот способ состоит в придании выражению некоторого смысла (или уточнении имеющегося смысла), который выделяет то, что должно быть предметным значением данного выражения. Поскольку в определении мы приписываем смысл термину, то тем самым характеризуем предметы (определяем предметы). Более того, под определением термина имеется в виду именно указание характеристик предметов, которые он обозначает или должен обозначать [1. С. 249]. В.А. Бочаров и В.И. Маркин предлагают более лаконичную формулировку: «Определение (дефиниция) – это логическая процедура, состоящая в придании строго фиксированного смысла языковым выражениям (терминам языка)» [2. С. 423]. Таким образом, независимо от целей и способов его введения, определение является не только важной составной частью любой научной теории и эффективным средством научного познания, но и надежным дидактическим инструментом, при помощи которого проясняются уже имеющиеся знания.

Теория определений, будучи детально разработанной в области математической логики и логической семантики, получила широкое распространение и использование в самых различных теориях и рассуждениях. Логико-семантический и методологический анализ определений оказался применимым на не только и не столько в формализованных теориях и формальных системах, но и в общественных науках, и прежде всего в юриспруденции, где проблема экспликации (уточнения) смысла понятий и терминов крайне важна для их нормативного использования.

Определения в юридической науке, несомненно, занимают важное место [3, 4]. Совместно с нормами, имеющими прескриптивный характер, определения выполняют важную регулятивную функцию. Как верно отмечает Л.Ф. Апт, «законодатель, активно и широко использующий совокупность понятий и категорий юридической и других наук, а также формулирующий легальные определения наиболее важных для закона и правоприменения понятий, тем не менее не

создает новой теории определения понятий. В основе его многочисленных и многообразных процедур оперирования понятиями лежит современная логика и ее положения относительно логической природы, содержания и объема понятий, языковых форм и их выражений, правил формулирования определения понятий и т.д.» [5. С. 4]. Кроме того, здесь следует особо отметить, что при формулировании определений в различных типах дискурса нередко возникают вопросы о том, правильны ли предлагаемые определения понятий, почему одно определение следует принять, а другое – отбросить, почему данное определение нуждается в обобщении, в силу каких оснований одно правильное определение должно рассматриваться в качестве более эффективного, чем другое правильное определение, почему к одним определениям применяются одни требования строгости, а к другим – иные и т.д. [6. С. 3–4]. Несмотря на безусловную актуальность данных вопросов для юридической науки, при этом нельзя не учитывать специфику определений правовых понятий и терминов, а также трудности, возникающие при их формулировании [4. С. 199]. Наиболее подходящим под это описание примером является родовидовое определение.

Definitio per genus proximum et differentiam specificam – это классический способ определения понятий, через ближайший род (*genus*) и видовое отличие (*differentia*), восходящий, по крайней мере, к Аристотелю [7, 8]. По словам Аристотеля, «определение есть обозначение, образуемое из видовых отличий, и притом – если деление правильное – из последнего из них» [9. С. 213]. В качестве иллюстрации можно привести известное определение человека: «Человек есть разумное». В традиционной системе деления понятий «каждое видовое отличие влечет за собой свой род, как, например, “живущее на земле” и “двуногое” влекут за собой “живое существо” и каждый из родов относится к тому, к чему относится видовое отличие» [10. С. 475]. Важное значение в подходе Аристотеля приобретает именно категория рода, поскольку род объединяет сходные классы, например, классы различных живых существ. Род важен и для квалификации признака, как собственного, поскольку

указание на этот признак, позволяет отличить единственный вид от всех других видов, объединенных родом, например «человек есть животное, способное научиться читать и писать». Как утверждает Аристотель, «тот, кто дает определение, должен, установив род, прибавить видовое отличие, ведь прежде всего род, надо полагать, больше всего означает в определении сущность определяемого» [10. С. 462]. Здесь следует сделать важную оговорку, что для Аристотеля родовидовое определение является реальным определением. Реальным в том смысле, в котором реальное определение противопоставляется номинальному. Определение при таком подходе есть выяснение сущности вещи, а не содержания понятия или смысла термина.

Применение родовидовых определений в современной юриспруденции является не просто основным, но само собой разумеющимся: «значительная (если не большая) часть определений в правовой науке и законодательстве формулируется именно таким способом» [5. С. 13]. Например, «Договор есть соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей», «Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда», «Судно есть самоходное или несамоходное плавучее сооружение, используемое в целях торгового мореплавания», «Общество с ограниченной ответственностью есть хозяйственное общество, уставный капитал которого разделен на доли» и т.д. Но с чем связана популярность этого вида определений и настолько ли он универсален? Сохраняет ли он свой эвристический потенциал применительно к анализу правовых понятий и терминов?

Прежде чем ответить на эти вопросы, следует обратиться к анализу логико-семантической структуры родовидового определения¹. В определениях через род и видовое отличие Dfd отличается от предметов некоторой области (она при этом явно указывается в определении – род) посредством описания специфических свойств Dfd , фиксируемых в Dfn (видовое отличие). При этом необходимо учитывать, что формирование родовидового определения предполагает существование определяемых объектов до определения, а также существование в некотором языке имен для Dfd . Предполагается также, что спецификация Dfd может быть осуществлена через свойства – «видовое отличие». Например, «Кража есть тайное хищение чужого имущества», где кража отличается от иных видов хищения чужого имущества (грабеж, разбой, мошенничество) посредством описания специфических свойства Dfd , а именно, что это – *тайное* хищение чужого имущества, что и фиксируется в Dfn . Д.П. Горский утверждает, что родовидовые «определения имеют *аналитический* характер. Обычно они формулируются как реальные определения. Определения через род и видовое отличие, таким образом, служат уточнению границ между предметами (соответственно между значениями терминов), которые уже как-то выделены в опыте человечества, между которыми уже установлены некоторые простейшие систематизирующие классификационные отношения» [6. С. 61–62]. Здесь следует обратить особое внимание на два важных момента: во-первых, с точки зрения

символической логики, родовидовое определение является аналитическим и реальным определением, и, во-вторых, характеристика некоторого определения как родовидового предполагает, что род уже имеется и потому остается только с помощью видового отличия в этом наличествующем роде выделить класс определяемых предметов.

Родовидовое определение является аналитическим в том смысле, что оно представляет собой определение, являющееся эксплицитным формулированием значений терминов, уже существующих в том или ином языке, где они могут быть первоначально определены независимо от вводимого определения, например неявно, контекстуально [Там же. С. 33]. Например, определение «Убийство есть умышленное причинение смерти другому человеку», сформулированное в Уголовном кодексе РФ, можно считать аналитическим, поскольку значение этого термина могло быть (и скорее всего было) определено до принятия указанного закона. Чтобы показать, что родовидовые определения обычно формируются как реальные определения, на что уже указывал Аристотель, вернемся к анализу разделения определений на реальные и номинальные. В наиболее общем виде номинальное определение представляет собой ответ на вопрос, что имеют в виду или будут иметь в виду под данным выражением, что называют или будут называть данным термином, что мы имеем в виду, употребляя данное выражение языка (например, «Под прямым действительным ущербом понимается реальное уменьшение наличного имущества работодателя или ухудшение состояния указанного имущества, а также необходимость для работодателя произвести затраты либо излишние выплаты на приобретение, восстановление имущества либо на возмещение ущерба, причиненного работником третьим лицам» (ст. 238 Трудового кодекса РФ)). В то время как под реальным определением имеют в виду ответ на вопрос, что представляют собой предметы по существу, в чем состоит основа их качественной специфики [1. С. 253–255] (например, «Бесхозной является вещь, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен либо, если иное не предусмотрено законами, от права собственности на которую собственник отказался» (ст. 225 Гражданского кодекса РФ)). Иными словами, реальные определения, в отличие от номинальных (хотя это отличие весьма условно), интерпретируются обычно как предложения, в которых Dfd есть некоторый объект, а Dfn – свойство этого объекта, позволяющее его специфицировать. Ответы на вопросы в форме «Что такое X ?» представляют собой реальные определения: в них перечисляются свойства X , позволяющие отличить X от других объектов.

Указанная условность отличия реального определения от номинального заключается в том, что каждое реальное определение может быть переведено в номинальное и наоборот: например, реальное родовидовое определение «Заготовка древесины представляет собой предпринимательскую деятельность, связанную с рубкой лесных насаждений, а также с вывозом из леса древесины» (ст. 28 Лесного кодекса РФ) может быть переведено в номинальное определение «Под термином “заготовка древесины” понимается пред-

принимательская деятельность, связанная с рубкой лесных насаждений, а также с вывозом из леса древесины». Определение термина «заготовка древесины» в данном случае становится определением через признаки, которые уже содержатся в понятии о предмете. Но одно дело выявить в реальном определении сущность предмета, и совсем другое дело выявить содержание термина, которое быть может предполагается наличествующим в определяемой сущности. Установить признаки, мыслимые в понятии о предмете, и установить признаки предмета – это разные предприятия. Тем не менее идет ли речь о сущности вещи или о терминах ее обозначающих, различие в определении *genus* и *differentia* сохраняются. Определение, в своей сущности, мало здесь чем отличается от того, что было у Аристотеля, а именно, или ищем общий род со специфическим различием, или выясняем общий и специфический признак в содержании понятия, результатом все равно является определение *per genus proximum et differentiam specificam*. В этом отношении реальные и номинальные определения практически не различаются, сохраняя формальную структуру родовидового определения. Проблему составляет не вопрос о реальности и номинальности определений, но сама структура определений [7. С. 231–232]. Насколько выделение *genus* и *differentia* являются существенной чертой определений вообще и определений в юриспруденции в частности?

На эти факты одним из первых обратил внимание И. Бентам, который явно указал, что эффективность применения родовидового определения к таким правовым понятиям, как «субъективное право», «ответственность», «государство», в силу того, что они чрезвычайно абстрактны, весьма сомнительна: «Общий метод определения – метод *per genus et differentiam*, как его называют логики, во многих случаях вообще не будет отвечать указанной цели. Среди абстрактных терминов мы вскоре обнаруживаем такие, которые не имеют *высшего рода*. Ясно, что мы не сможем ничего добиться, применяя к ним определение *per genus et differentiam*, которое следует либо прекратить, либо развернуть его, так сказать, на себя» [11. С. 233]. Иными словами, техника определения через род и видовое отличие может использоваться для прояснения правовых понятий только в ограниченной области, поскольку она не учитывает своеобразия абстрактных терминов, система которых рано или поздно замыкается на саму себя. Идея Бентама заключалась в том, что смысл правовых понятий нельзя рассматривать обособленно, но только в рамках значения тех утверждений, в которых они употребляются [Там же], т.е. практика употребления правовых понятий должна учитываться в не меньшей степени, чем их родовидовые определения. Согласно Бентаму, «единственным методом для разъяснения слова “обязанность”, “субъективное право”, “вещное право” и других терминов того же рода, в изобилии представленных в этике и юриспруденции, посредством которого может быть передано любое правило, является метод *парафразы* (*paraphrasis*)» [11. С. 233]. Этот метод применяется следующим образом: «Можно сказать, что слово разъясняется через парафраз,

когда не одно это слово переводится в другие слова, но некоторое целостное предложение, частью которого является данное слово, переводится в другое предложение. Слова этого другого предложения становятся ясными или более простыми чем ранее. <...> Коротко говоря, это единственный метод, с помощью которого любые абстрактные термины могут быть, в конечном счете, разъяснены для любой разумной цели» [Там же. С. 233].

Наиболее амбициозную попытку реабилитировать аргументы Бентама против родовидового определения в юридическом языке предпринял Г.Л.А. Харт: «...юридические понятия совершенно иные; их отношение к фактам намного более сложно, опосредованно и нуждается в прояснении. Обычные методы определения приводят к тому, что в результате они искажаются и мистифицируются» [12. С. 147]. Но Харт идет дальше Бентама, и вместо *парафразы* он предлагает новый метод определения правовых понятий – *объясняющее прояснение* (*explanatory elucidation*) [Там же. С. 153]: Харт считает, что предлагаемая им техника «должна предшествовать бесперспективному проекту выяснения того, что означают или подразумевают слова, взятые изолированно, и должна заменить его характеристикой функции, которую осуществляют эти слова, когда они используются в работе правовой системы» [Там же. С. 147]. Важнейшим принципом этого подхода является утверждение, что юридические термины могут быть прояснены только рассмотрением условий, при которых высказывания, где они используются характерным для них образом, являются истинными. Харт определяет предложение, в котором встречается озадачивающий нормативный предикат, посредством перечисления условий, при которых такое предложение (или сентенциальная формула типа «X имеет право») будет истинным [13, 14].

Как мы видим, и Харт, и Бентам предлагают, по сути, модифицированную версию метода контекстуального определения понятий [15, 16] – метода, распространенного среди философов-аналитиков. Данный метод заключается в том, что выражение должно анализироваться только в рамках контекста его употребления. Мы определяем тот или иной термин не изолированно, но в контексте иных терминов, в совокупности с которыми он чаще всего встречается в научной или лингвистической практиках. В этом случае контекст демонстрирует, что обособленное от него выражение само по себе не выполняет денотативную функцию. Типичным примером подобного анализа является теория определенных дескрипций Б. Рассела: выражения вида «тот, который» должны трактоваться не как собственные имена, а как описательные выражения, имплицитно указывающие на существование и единственность предмета, которому данная фраза приписывает определенные свойства [17. С. 191–201]. Кроме того, схожие мысли можно обнаружить у Г. Фреге и Л. Витгенштейна, позиции которых Харт, по-видимому, разделял. Так, Фреге предлагает среди прочих придерживаться правила, что «о значении слова нужно спрашивать не в его обособленности, а в контексте предложения» [18. С. 139], «всегда необходимо учитывать полное пред-

ложение; только в нем слова обладают подлинным значением» [Там же. С. 196]. Витгенштейн также отмечает, что «только предложение имеет смысл; имя обретает значение лишь в контексте предложения» [19. С. 13]. Таким образом, контекстуальным является такое определение, в котором выяснение значения термина сводится к определению и анализу контекстов, в которых он встречается, т.е. Dfd представляет собой некоторое предложение (контекст), где совместно определяются основные его термины.

У контекстуальных определений по сравнению с родовидовыми определениями есть несколько преимуществ. В родовидовых определениях всегда менее общее и более конкретное определяется через более общее и менее конкретное, т.е. через более абстрактное («человек есть животное...»). Когда систематизируются результаты нашего познания, такие подходы вполне правомерны [6. С. 54]. В частности, такой подход будет оправданным в отношении определений правовых понятий и терминов, представленных в различных отраслевых нормативно-правовых актах [20]. Поскольку в отношении подобных определений выполняются два указанных выше условия, а именно родовидовое определение является аналитическим и реальным, а также предполагается существование определяемых объектов до определения (т.е. род определяемых объектов уже известен). Приведенные нами примеры определения правовых понятий это подтверждают. Но когда мы пытаемся разъяснить предельно общие понятия, используемые в самых различных системах и языках, нам следует обратиться к контекстуальным определениям: «...это связано с тем, что при описании процесса познания верификация, проверка более абстрактного и более общего осуществляется через менее абстрактное и менее общее. В этом случае эти определения оказывают существенную помощь» [6. С. 54]. Подобного рода определения оказываются полезными, например, когда необходимо определить значение базовых понятий Конституции РФ, нормы которой (и в этом заключается их особенность) отнюдь не предполагают существование того, что описывают используемые при их

формулировке понятия, такие как «правовое государство», «идеологическое многообразие», «высшая ценность», «частная жизнь», «свобода», «справедливость» и т.д. В этом отношении анализ Основного закона с точки зрения выяснения содержания тех понятий, с помощью которых он сформулирован, мог бы оказать важное воздействие на правовую систему в целом в виду ее иерархичности. Такой подход возможен и даже в отдельных случаях эффективен [21], но это уже предмет другого исследования.

Действительно, методы анализа правовых понятий во многом основаны на классическом логическом методе определения через общий род и видовое отличие. В данном случае, как мы видели, особое значение приобретает категория *общего (ближайшего) рода*. Выявляя содержание и устанавливая значение правового понятия, мы ориентируемся, прежде всего, на установление более общего (или родового) признака элементов, подпадающих под исследуемое понятие, с последующим установлением их специфического (отличительного, существенного) признака. Эта стратегия обусловлена установленной иерархией правовых норм и содержащихся в них понятий. Поэтому, когда анализируется отдельная правовая норма, этот метод вполне работает. Он, например, действен при установлении значения правовых понятий и терминов норм общих и особенных частей различных отраслей права. Но конституционные нормы занимают в этой иерархии высшее положение, а значит, наибольшей степенью общности обладают и используемые при их формулировке понятия. Следовательно, если мы применяем родовидовое определение к наиболее общим понятиям Конституции, то необходимо будет вообще выходить за рамки собственно права, поскольку в таком случае общие правовые понятия Конструкции будут обосновываться с точки зрения не свойственных юриспруденции идеальных моделей (например, «идеала справедливости», который относится к сфере морали, но не права, или «духа народа», что есть предмет социальной или исторической психологии, и т.п.). Это позволяет нам задать границы применимости родовидовых определений в юридическом языке.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее используются традиционные обозначения частей определения, принятые в логике: то, что определяется, в дефиниции называется дефиниендумом (*Definiendum* – сокращенно Dfd), то, посредством чего нечто определяется, называется дефиниенсом (*Definiens* – сокращенно Dfn).

ЛИТЕРАТУРА

1. Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г. Логика. М. : Владос-Пресс, 2001.
2. Бочаров В.А., Маркин В.И. Введение в логику. М. : ИД «Форум», 2008.
3. Власенко Н.А. Судебные правовые дефиниции: природа, функции, основания деления и виды // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 58–67.
4. Титов В.Д. О специфике определений в юриспруденции // Логико-философские штудии. 2005. № 3. С. 197–205.
5. Апт Л.Ф. Дефиниции и право. М. : Издательский центр «Академия», 2008.
6. Горский Д.П. Определение: логико-методологические проблемы. М. : Мысль, 1974.
7. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Определение per genus proximum et differentiam specificam и юридический язык // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. № 9. С. 228–240.
8. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Определение per genus proximum et differentiam specificam и юридический язык: Аристотель и аналитическая юриспруденция // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2018. № 12. С. 108–121.
9. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. / под ред. В.Ф. Асмуса. М. : Мысль, 1976. Т. 1. С. 64–368.
10. Аристотель. Топика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. / под ред. З.Н. Микеладзе. М. : Мысль, 1978. Т. 2. С. 348–531.
11. Bentham J. A Fragment on Government. Oxford : The Clarendon Press, 1891.
12. Харт Г.Л.А. Философия и язык права. М. : Канон+, 2017.
13. Касаткин С.Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара : Изд-во Самар. гуманит. акад., 2014.

14. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Определение в аналитической философии права: П. Хакер versus Г. Харт // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 36–40.
15. Birmingham R. Hart's Definition and Theory in Jurisprudence Again // Connecticut Law Review. 1984. Vol. 16. P. 775–801.
16. Bronzo S. Bentham's Contextualism and Its Relation to Analytic Philosophy // Journal for the History of Analytical Philosophy. 2014. Vol. 8. P. 1–41.
17. Рассел Б. Введение в математическую философию. Новосибирск : Сиб. универ. изд-во, 2007.
18. Фреге Г. Логико-философские труды. Новосибирск : Сиб. универ. изд-во, 2008.
19. Витгенштейн Л. Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. 1.
20. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Правила, юридический язык, речевые акты // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. № 2 (8). С. 293–302.
21. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Проблема верификации конституционных норм // Журнал российского права. 2014. № 10 (214). С. 48–58.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 28 сентября 2018 г.

THE LIMITS OF APPLICABILITY OF A GENUS—DIFFERENTIA DEFINITION IN LEGAL LANGUAGE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 437, 77–81.

DOI: 10.17223/15617793/437/11

Vitaly V. Ogleznev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ogleznev82@mail.ru

Keywords: genus—differentia definition; legal language; legal concepts; legal terms.

The article presents a careful analysis of a genus—differentia definition (*Definitio fit per genus proximum et differentiam specificam* in the original Latin), that is a definition by means of the genus (the kind or family of a thing to which the defined thing belongs), and the differentia (the distinguishing feature that marks it off from other members of the same family), and the limits of its applicability in legal language. Commonly, this definition is understood as a kind of a taxonomical description by which a thing is assigned a certain universal genus that is further differentiated by its unique, specific characteristics. In this paper, the author suggests that even though this type of definition has become widespread in legal practice and legal theory, there are reasons to believe that it is not universal in the sense of *de res*, nor in the sense of *de terminus*. The author proposes a reformation of the classical approach to the definition of legal concepts due to the continuing questions about the universality of the classical method of definition *per genus proximum et differentiam specificam* in relation to them. Indeed, *genus* and *differentia* have primary importance to the definition of terms. Defining a term is a completely different procedure than giving the essence of a thing. But the issue is not about the reality or nominality of the definitions in that case. The proposed research rests on a thesis that the main problem is the structure of the definition itself. This implies a review of the effectiveness of the use in a legal language of the classical definition *per genus proximum et differentiam specificam*. Therefore, the author tries to answer the main (or basic) question for the purposes of his project: To what extent the outline of *genus* and *differentia* is essential to definitions in general, and to definitions of legal concepts in particular? The author carefully considers main arguments against and for this question. What is the difference between logical and legal views on a genus—differentia definition? A careful analysis of applicability of a genus—differentia definition in legal language would allow avoiding common logical and linguistic fallacies related to the semantics and syntax of expressions of legal language. Additionally, the author proves that the applicability of a genus—differentia definition is limited by its own subject, i.e. it could be applicable only to the concepts that are used in different branches of the legal system, but not to the fundamental legal concepts that are used primarily in the constitutional law, because they do not have a *superior genus*. This is a key-point of the author's research.

REFERENCES

1. Voyshvillo, E.K. & Degtyarev, M.G. (2001) *Logika* [Logic]. Moscow: Vados-Press.
2. Bocharov, V.A. & Markin, V.I. (2008) *Vvedenie v logiku* [Introduction to logic]. Moscow: ID "Forum".
3. Vlasenko, N.A. (2009) Judicial Legal Definition: Nature, Functions, Basics. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 12. pp. 58–67. (In Russian).
4. Titov, V.D. (2005) O spetsifike opredeleniy v yurisprudentsii [On the specifics of the definitions in jurisprudence]. *Logiko-filosofskie shchudii*. 3. pp. 197–205.
5. Apt, L.F. (2008) *Definititsii i pravo* [Definitions and law]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya".
6. Gorskiy, D.P. (1974) *Opredelenie: logiko-metodologicheskie problemy* [Definition: logical and methodological problems]. Moscow: Mysl'.
7. Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (2015) Definition per genus proximum et differentiam specificam and legal language. *Scholē. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Scholē. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 9. pp. 228–240. (In Russian).
8. Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (2018) Definition per genus proximum et differentiam specificam and legal language: Aristotle and analytical jurisprudence *Scholē. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Scholē. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 12. pp. 108–121. (In Russian). DOI: 10.21267/AQUILO.2018.12.10420
9. Aristotle. (1976) *Metafizika* [Metaphysics]. In: Asmus, V.F. (ed.) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
10. Aristotle. (1978) *Topika* [Topics]. In: Mikeladze, Z.N. (ed.) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
11. Bentham, J. (1891) *A Fragment on Government*. Oxford: The Clarendon Press.
12. Hart, H.L.A. (2017) *Filosofiya i yazyk prava* [Philosophy and language of law.]. Translated from English. Moscow: Kanon+.
13. Kasatkin, S.N. (2014) *Kak opredelyat' sotsial'nye ponyatiya? Kontseptsiya askriptivizma i otmeyeniya yuridicheskogo yazyka Gerberta Khar-ta* [How to define social concepts? The concept of ascriptivism and abolition of the legal language of Herbert Hart]. Samara: Samara Academy of Humanities.
14. Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (2017) Definition in analytical legal philosophy: P. Hacker versus H. Hart. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 421. pp. 36–40. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/421/5
15. Birmingham, R. (1984) Hart's Definition and Theory in Jurisprudence Again. *Connecticut Law Review*. 16. pp. 775–801.
16. Bronzo, S. (2014) Bentham's Contextualism and Its Relation to Analytic Philosophy. *Journal for the History of Analytical Philosophy*. 8. pp. 1–41. DOI: 10.15173/jhap.v2i8.971
17. Russell, B. (2007) *Vvedenie v matematicheskuyu filosofiyu* [Introduction to Mathematical Philosophy]. Translated from English by V.V. Tselishchev & V.A. Surovtsev. Novosibirsk: Sib. univer. izd-vo.
18. Frege, G. (2008) *Logiko-filosofskie trudy* [Logical and philosophical works]. Translated from English, German and French by V.A. Surovtsev. Novosibirsk: Sib. univer. izd-vo.
19. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Pt. 1. Translated from German by M.S. Kozlova & Yu.A. Aseev. Moscow: Gnozis.
20. Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (2014) Rules, legal language, speech acts. *Scholē. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Scholē. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 8 (2). pp. 293–302. (In Russian).
21. Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (2014) Problems of Verification of Constitutional Norms. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 10 (214). pp. 48–58. (In Russian).

Received: 28 September 2018